

тія того, что впервые дали ей русская пѣсня и русская поэзія. Понятно, что наиболѣе доступнымъ, наиболѣе увлекающимъ и непосредственно национализирующимъ видомъ искусства останется русская пляска со всей ея свободой, ритмичностью и драматизмомъ. —

Русская душа даровита, разносторонняя, широка, гибка и переимчива. Въ этомъ ея даръ; но въ этомъ и ея опасность. Ее сторожить у дверей соблазнъ мнимой «всечеловѣчности» и дѣйствительнаго обезличенія. И потому ей необходима любовь и воля къ національной самобытности. Воспитаніе есть дѣло именно любви и воли; осторожнаго и органически-цѣлостнаго, но продуманнаго, планомѣрнаго и долгаго усилія.

И нынѣ Россія нуждается въ этомъ, какъ еще никогда.

Редакція.

VII. ЖИВЫЯ СЛОВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(ДЛЯ ПАМЯТИ).

1672 — 1725.

«Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ
Для сердца Русскаго есть памятникъ
священный...»

Князь П. А. Вяземскій.

«Сынишка твой Петрушка, въ работѣ пребывающій».

(1689 г. Подпись на письмѣ къ матери, Паталиі Кирилловнѣ Нарышкиной).

«Азь бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую».

(1697 г. Подпись на печати, кою онъ запечатывалъ свои письма изъ-за границы).

«Весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему Государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ!»

(1697 г. Послѣ посѣщенія инкогнито англійской Палаты Лордовъ).

«Если они таковы, то пусть вѣруютъ, какъ хотятъ; надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ. Если нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то не пособить ни огонь, ни мечъ, а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государству пользы не будетъ...»

(О купцахъ-раскольникахъ, — узнавъ, что они честны и прилежны).

«Побѣды отъ Бога, но мы должны употреблять всѣ силы, чтобы ихъ получить. Я взялъ тебя въ походъ, показать тебѣ, что я не боюсь ни трудовъ, ни опасностей; ты долженъ слѣдовать моему примѣру, долженъ любить все, что служить ко благу и чести отечества и не падать трудовъ. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ, и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ и буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя въ этой и въ будущей жизни».

(1704 г. Сыну, Царевичу Алексѣю Петровичу, при взятіи Парвы).

«Чего боитесь?!.. Царя везете!.. Съ нами Богъ!!..»

(Растерявшимся лодочникамъ во время морской бури)

«Пришелъ часъ, когда рѣшается судьба отечества. Вы не должны думать, что сражаетесь за Петра, а за государство. Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за вѣру нашу православную и за церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи».

(1709 г. Изъ приказа передъ Полтавской битвой).

«Если случится послѣднее, то вы не должны почитать меня своимъ Государемъ и ничего не исполнять, что мною хотя бы то собственноручнымъ повелѣніемъ будетъ требуемо, пока я самъ не явлюсь между вами. Если же я погибну, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники».

(1711 г. Изъ письма къ Сенату, въ предвидѣніи возможнаго турецкаго плѣна на Прутѣ).

«За здравіе тѣхъ, кто любитъ Бога, меня и отечество!..»

(Изъ застольныхъ тостовъ Петра Великаго).

«Я заѣзжаю къ тебѣ не затѣмъ, чтобы тебя беспокоить! Такъ не въ чемъ тебѣ и извиняться...»

(Слова, сказанныя при посѣщеніи шелковой фабрики Полуярославцева --- хозяину, который не зналъ о прибытіи Царя, проспалъ и прибѣжалъ извиняться).

«Къ чему уничижать званіе, безобразить достоинство чело- вѣческое? Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству — таковъ почетъ, подобающій Царю...»

(Слова, сказанныя при запрещеніи писаться въ обращеніи къ Царю уничижительными именами, падать передъ Царемъ на колѣни и снимать зимою шапки передъ дворцомъ. По тѣмъ же соображеніямъ Петръ Великій въ Воинскомъ Уставѣ запретилъ быть солдата).

«За мое отечество и людей моихъ я живота своего не жалѣю и не жалѣю; какъ могу тебя, непотребнаго, пожалѣть?»

Ты ненавидишь дѣла мои, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю».

(1715 г. Царевичу Алексию Петровичу).

«Хотя что добро, и надобно, а *новое* дѣло. — то наши люди безъ принужденія не сдѣлають . . .»

(При насажденіи новыхъ отраслей промышленности).

«Въ твоёмъ порицаніи дѣлъ моего отца и въ похвалѣ моимъ — больше брани на меня. чѣмъ я могу стерпѣть . . .»

(1717 г. Ответъ Мусину-Пушкину).

«Вотъ ты больше всѣхъ меня бранишь и такъ больно досаждаешь мнѣ своими спорами, что я часто едва не теряю терпѣнія; а какъ разсужу, то и увижу, что ты искренно меня и государство любишь, и правду говоришь, за что я внутренно тебѣ благодаренъ».

(1717 г. Ответъ князю Я. Ѳ. Долгорукому).

«Попеже иного дѣла не имѣете, точію одно правленіе, которое, ежели неосмотрительно будете дѣлать, то предъ Богомъ, а потомъ и здѣшняго суда не избѣжите».

(1717 г. Изъ письма къ сенаторамъ съ выговоромъ за безпорядки въ управленіи).

«Знаю, что меня считаютъ тираномъ. Иностранцы говорятъ, что я повелѣваю рабами. Это неправда: не знаютъ всѣхъ обстоятельствъ. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Эти указы содержатъ въ себѣ пользу, а не вредъ государству. Надобно знать, какъ управлять народомъ. Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Честный и разумный человѣкъ, усмотрѣвшій что-либо вредное или придумавшій что-либо полезное, можетъ говорить мнѣ прямо безъ боязни. Вы сами тому свидѣтели. Полезное я радъ слушать и отъ послѣдняго подданнаго. Доступъ ко мнѣ свободенъ, лишь бы не отнимали у меня времени бездѣльемъ. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невѣжество и упрямство всегда ошолчались на меня съ той поры, какъ задумалъ я ввести полезныя перемѣны и исправить грубыя нравы. Вотъ кто настоящіе тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямыхъ, смягчая дубовыя сердца; не жестокосердствую, переодѣвая подданныхъ въ новое платье, заводя порядокъ въ войскѣ и въ гражданствѣ, и приучая къ людскости; не тиранствую, когда правосудіе осуждаетъ злодѣя на смерть. Пускай злость клевететь, — совѣсть моя чиста. Богъ мнѣ Судія! Неправые толки въ свѣтѣ разноситъ вѣтеръ . . .»

(Изъ частной бесты).

«По миѣ будь крещенъ или обрѣзанъ — едино, лишь будь добрый человекъ и знай дѣло».

(Изъ собственноручныхъ записей).

«Едва ли кто изъ государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я. Отъ сестры былъ гонимъ до зѣла: она была хитра и зла. Монахинѣ песносенъ: она была глуха. Сынъ меня ненавидитъ: онъ упрямъ».

(1718 г. Во время слѣдствія надъ Царевичемъ Александромъ Петровичемъ).

«Надлежитъ Бога благодарить всѣми силами, но надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, а стараться объ общей пользѣ, дабы народъ получилъ облегченіе».

(1721 г. Изъ рѣчи Сенату послѣ заключенія побѣдоноснаго Ништадскаго мира со шведами).

«Нашъ народъ — яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, пока не приневолены будутъ: которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ пынѣшнихъ дѣлъ. Не все-ли неволею сдѣлано? А ужь за многое благодареніе слышится!»

(Изъ Указа 1723 года).

«Лучше десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить».

(Изъ закона о судебномъ процессѣ).

«Намъ нужна Европа на нѣсколько десятковъ лѣтъ, а потомъ мы къ ней должны повернуться задомъ».

(Слова, записанныя Остерманомъ).

«Руби все до тла!»

(1724 г. Отвѣтъ оберъ-фискалу Мякинину, докладывавшему дѣла о казнокрадствѣ и спросившему: «обрубить ли только сучья, или подложить топоръ на самые корни?»).

«Сіе едино жажду мою утолить; сіе едино услаждаетъ меня!»

(1725 г. Предсмертныя слова, сказанныя пересохшимъ языкомъ, передъ послѣднимъ причащеніемъ Св. Тинъ).
